

Татяна Воронина

12+

Кошачья сказка

Татьяна Воронина
Кошачья сказка

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Воронина Т. А.

Кошачья сказка / Т. А. Воронина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Если бы наши домашние питомцы умели говорить, то мы узнали бы много интересного об их мыслях и взглядах на окружающий мир, в том числе на наши поступки. Но в сказках, как известно, животные говорят по-человечески. Вот и в «Кошачьей сказке» повествование ведётся от лица (точнее, морды) кошки Луизы, родившейся в подвале городского дома, натерпевшейся уличной жизни, а потом по воле счастливого случая попавшей в семью. «Сказка – ложь, да в ней намёк...» А на что? Каждый сам разберётся.

© Воронина Т. А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Татьяна Воронина

Кошачья сказка

Они называют меня Луизой, кормят вкусно, относятся хорошо. Что ж, имя для кошки вполне приемлемое, я бы даже сказала благородное, хотя сама я благородством происхождения похвастаться не могу. Просто повезло – в приличную семью попала. Они – это хозяйева, и их четверо: Хозяин, Хозяйка, Мальчик и Бабушка.

О себе я знаю, что красива. Утверждаю это столь безапелляционно не только потому, что я вижу себя в зеркале и могу сравнить с другими кошками, но и опираясь на то, как смотрят на меня люди. А смотрят они с умилением, иногда заворожённо, глаз оторвать не могут. Моя походка, манеры, да все мои прыжки и движения, от потягивания и вылизывания и вплоть до зевоты, вызывают восторг в их глазах. Шерсть у меня короткая и густая, по большей части серая и полосатая. На задних лапах – белые носочки, на груди – белая манишка. Волнистые полоски на морде расположены столь симметрично и изысканно, что хоть картину пиши. Ну, хвост, усы, – всё, как у котов, а глаза жёлтые и очень выразительные.

Детство своё я помню плохо, да и вспоминать, откровенно говоря, этот кошмар не хочется. Нет, сначала было ничего. Помню какой-то подвал, в нём прохладно, но рядом мама и такие же пищашие малыши, как я. Если к маме прижаться, то становится совсем тепло и уютно, можно пососать тёплого молока и сладко уснуть. Когда мама куда-то уходила, мы сбивались в один меховой ком, прижимаясь друг к другу. Потом она возвращалась, и мы снова были сыты и согреты. И ещё она нас всё время вылизывала, и мы всегда были чистыми, невзирая на то, что кругом – страшная пыль и грязь. Где-то через месяц мы окрепли настолько, что начали носиться по подвалу, изучая и обнюхивая всё вокруг. Мы возились друг с другом, играли и дрались. Мама тоже принимала участие в наших играх, терпеливо показывая каждому, как надо защищаться и как нападать. А однажды мы видели, как она охотилась за мышью, и запомнили навсегда этот крадущийся шаг, напряжённое ожидание и стремительный прыжок. Тогда мы впервые попробовали мясо.

Но так продолжалось недолго. Мама стала исчезать всё чаще, а появляться всё реже. Когда нам исполнилось месяца два, голод и любопытство заставили нас пойти по её следам. Оказавшись на улице, мы разбрелись в разные стороны и больше никогда не виделись. Я была потрясена обрушившимся на меня ярким светом и обилием звуков. Стоял сентябрь, и было относительно тепло. Кругом сновали люди, с рёвом проносились машины и миллионы неизвестных запахов били в нос. Некоторые люди рядом с собой вели собак. Увидев меня, собаки проявляли такую агрессию, что сердце у меня убежало в пятки. Слава Богу, эти чудовища были на поводке, и я успевала пуститься наутёк от греха подальше. Так, шарахаясь от собак и проезжающих машин, попив по дороге воды из лужи, я добралась до помойки. Помойка источала жуткое зловоние, среди которого слабо пробивались запахи чего-то съедобного. Я вскарабкалась повыше и стала искать, разгребая лапами мусор. Перемазалась вся, как свинья, но живот сводило от голода, а жрать захочешь – ещё и не то сделаешь. Наконец, я докопалась до вполне приличных обрезков ветчины и слегка заплесневелого куска сыра. Названий этих продуктов я, конечно, не знала, это теперь я во всём разбираюсь, а тогда просто жадно накинулась на еду, утоляя голод. Насытившись, я сползла с этой кучи отходов, выбрала место на травке, села и стала вылизываться. Уж что-что, а блюсти чистоту мать нас научила. Постепенно мои носочки снова стали белоснежными, но вонь от помойки улетучилась не сразу. Подняв голову, я увидела, что ко мне приближается какая-то женщина с ребёнком лет пяти. Женщина озабоченно рылась в сумке, а девочка, увидев меня, закричала:

– Мама, мама, смотри, какой котёночек! Я хочу его погладить, – и бегом кинулась в мою сторону.

Женщина в ужасе завопила:

– Стой!

Я не шевелилась. Схватив девочку за руку, она строго сказала:

– Ты что, не видишь? Эта кошка – помоечная. А вдруг у неё блохи или ещё какая зараза?

Не смей приближаться к таким!

Девочка, утянутая матерью за руку, обернулась, посмотрела грустно и помахала мне свободной рукой.

– Пока, киса!

Таков был мой первый контакт с людьми, который заставил меня крепко задуматься. Потом было много других контактов, в том числе в попытках раздобыть свежую еду. Однажды, прошмыгнув в дверь продуктового магазина, я совершила попытку полакомиться фаршем с витрины, и была изгнана здоровенной тёткой-продавщицей с позором и топотом. А грузчик у дверей пригрозил «кипяточком плеснуть», если ещё появлюсь. Так что с людьми надо было держать ухо востро. Изредка, правда, попадались добрые старушки на скамейке у подъезда, которые, увидев меня, выкладывали на бумажку маленькие кусочки колбасы. Не дожидаясь привычного «кис-кис», я тут же подбегала и сметала еду в одно касание, после чего в благодарность давала им себя погладить.

Вообще есть хотелось всегда, постоянно, и основным источником пищи оставались помойки, но и там было всё не так просто. Часто за еду приходилось драться. Не одна я такая, кушать все хотят – конкуренция. Мои соплеменники дрались за свой кусок пищи не на жизнь, а на смерть, не разбирая ни пола, ни возраста противника, так что мне частенько доставалось от взрослых котов оплеух и не доставалось еды.

Так прошло ещё два месяца. В боях за хлеб свой насущный я получила много травм, раны зализывала, и они заживали довольно быстро. Но тут пришла новая беда – холод. Наступил ноябрь, выпал снег, и вопрос, где бы согреться, вышел на первый план. Пришлось возвращаться в подвал и проводить большую часть дня и ночи там. Не сказать, чтоб там было очень тепло и уж тем более уютно, но по крайней мере от мороза не окочуришься. Периодически голод выгонял меня на мороз в поисках пищи, добываемой в боях. Одно ухо у меня уже было порвано. Рана, правда, зажила, но ухо так и осталось раздвоенным. А в тот день какой-то злобный огромный котяра, оказавшись на помойке одновременно со мной, не оставил мне даже шанса чем-нибудь поживиться. Но это полбеды. Он зашипел на меня так, подняв свою огромную лапищу, что я сначала попятилась назад, а потом развернулась и в панике как-то неловко прыгнула. Не долетев до края, я ударилась с размаху задней лапой о край металлического контейнера, после чего почти без сознания плюхнулась на асфальт. Едва придя в себя, я попыталась встать на ноги. Не тут-то было! Дикая боль пронзила левую заднюю лапу, и я поняла, что наступить на неё не смогу.

Как я уже говорила, стоял ноябрь, зима в тот год пришла рано – холод страшный. Подвал был заперт на замок, мы пробирались туда через слуховое окно, спрыгивая потом на пол с приличной высоты. Сегодня для меня, покалеченной, этот путь был недоступен. Ужас безысходности потихоньку охватывал мой разум по мере того, как мороз обволакивал тело. Встав на три ноги и поджимая четвёртую, я кое-как вприпрыжку двинулась к подъезду. У подъезда в такой холод, разумеется, никто не сидел, дверь была намертво закрыта на кодовый замок. Я прижалась к холодной стене и стала ждать. Сколько прошло времени, не знаю, но замок вдруг запищал, и дверь стала открываться – из подъезда выходил какой-то мужчина. В невероятном рывке, оттолкнувшись тремя лапами, я кинулась ему под ноги и успела пролезть внутрь. Дверь захлопнулась, и я поняла, что спасена хотя бы на время. Тепло, долгожданное тепло ощутила я всем своим дрожащим телом. Проковыляв немного внутрь, я увидела и сам источник тепла:

возле почтовых ящиков от пола до высоты примерно один метр располагалась большая батарея, заключённая в прекрасный ровненький решетчатый металлический кожух. Вот оно – истинное тепло, вот где можно отлежаться с больной ногой. Если не прогонят. Собрав последние силы, я оттолкнулась от пола и, уцепившись за край решётки когтями, вскарабкалась наверх. Тепло было божественным, площадь решётки огромной, и не в силах больше ни о чём думать, я свернулась клубочком, слегка отведя больную ногу, и блаженно закрыла глаза.

Не знаю, сколько я проспала. Сквозь дрему слышала, как периодически хлопала дверь подъезда, входили и выходили люди. По большей части они проходили мимо, не замечая меня, но некоторые подходили к почтовым ящикам и, увидев забравшегося на батарею погреться четырёхмесячного котёнка-подростка, то есть меня, молча уходили, забрав свою корреспонденцию. Никто меня не выгонял. Я открыла глаза в тот момент, когда в подъезд вошёл мальчик лет десяти. Он даже не вошёл, а буквально влетел, раскрасневшийся с мороза, весь в снегу. Мальчик помчался было по лестнице к лифту, но тут боковым зрением он заметил меня и резко затормозил. Глаза наши встретились. Я не знала, чего ожидать, и внутренне вся напряглась, не меняя позы.

Мальчик направился ко мне, по дороге снимая мокрые заледенелые варежки и запихивая их в карман.

– Киса..., – произнёс он и осторожно погладил меня по спине.

Я посмотрела на него с благодарностью. В глазах моих, видимо, стояла вся скорбь бездомного кошачьего народа.

– Замёрзла? – спросил Мальчик. – Пойдём, я тебя покормлю.

Он неуклюже взял меня в охапку, прижал к себе и понёс к лифту. Куртка оказалась мокрая и холодная, но намерения Мальчика явно были добрыми, и я решила отдаться на волю судьбы. Лифт остановился на десятом этаже, мы вышли, и Мальчик нажал кнопку звонка. Дверь открыла женщина в халатике.

– Ну, весь в снегу извалялся! – всплеснула она руками.

И тут брови её поползли вверх:

– Господи, это ещё откуда?

Она отступила на шаг, и мы оказались в квартире. Мальчик закрыл плечом дверь и аккуратно опустил меня на пол.

– Мам, это же ещё котёночек, он есть хочет, не выгоняй его, пожалуйста, – быстро говорил Мальчик.

– Да, большой уже котёночек, подросток, – заметила женщина. – Где ты его взял?

– Он в подъезде на батарее лежал, замёрз, наверно, на улице холодно.

Я посмотрела на женщину снизу вверх, состроив самую несчастную и умильную морду, какую только могла. Мы стояли в коридоре, и женщина в нерешительности разглядывала меня, при этом явно любуясь. Потом опомнилась и обратилась к Мальчику:

– Так, что ты стоишь весь мокрый? Быстро раздевайся.

– Мам, дай ему молочка, – попросил Мальчик, стягивая мокрую одежду и не отрывая от меня глаз.

В этот момент из комнаты вышел мужчина.

– Что у вас тут происходит? – спросил он.

– Вот, – сказала женщина, указывая на меня, – опять притащил.

Оказалось, что Мальчик уже не раз приносил с улицы бездомных котят, жалея их и желая накормить и обогреть. Правда, те коты были совсем взрослыми. Каждый раз он просил родителей оставить кота жить дома и каждый раз получал отказ. Коту нарезали колбасу или сосиску, выкладывали на бумажку и выносили в подъезд на лестницу. Пока кот ел, дверь в квартиру захлопывалась. Вероятно, и меня ждала такая же участь. «Что ж, – подумала я, – хотя бы покормят».

Тем временем мужчина внимательно смотрел на меня. В глазах моих застыла покорность судьбе.

– Красивая кошка, – наконец, произнёс он.

– Так это кот или кошка? – спросила женщина.

– Не знаю. Сейчас посмотрим.

Он взял меня на руки, прошёл в комнату, сел в кресло и посадил меня к себе на колени. Я покорно позволила себя осмотреть.

– Кошка, – объявил он, спуская меня на пол.

– Папочка, ну пожалуйста, давай оставим её себе, – заканючил Мальчик. – Она ещё маленькая, на улице мороз и есть нечего, она же может погибнуть.

Мужчина заколебался. Некоторое время продолжалась немая сцена. Мальчик и женщина в ожидании и с надеждой смотрели на отца. Я чувствовала, что женщина уже на моей стороне.

– Ну ладно, – пожал плечами мужчина, – если будет ходить, куда надо, пусть живёт. Но только, если будет ходить, куда надо! – строго повторил он.

Значения этих слов я тогда не поняла. Мальчик взвизгнул от радости и обнял отца, а женщина улыбнулась с облегчением и отправилась на кухню. Я робко последовала за ней, а Мальчик вприпрыжку за мной. На кухне я чуть не потеряла сознание от одуряющих ароматов еды – сегодня я ещё ничего не ела. Женщина, которую мне уже мысленно очень хотелось назвать Хозяйкой, взяла сразу три блюда: в одно она налила воду, в другое – молоко, а в третье положила, достав из сковородки, мясную котлету, разломав её на части. Все три блюда она поставила на пол у стеночки. Я задрожала от желания наброситься на еду, но сдержала себя и сначала вопросительно посмотрела на Хозяйку и на Мальчика.

– Кушай, кушай, – сказал Мальчик, – не бойся, это тебе.

И я приступила к трапезе.

– Мам, смотри, как жадно она ест, голодная какая, – с сочувствием произнёс Мальчик.

Кусочки котлеты исчезли с блюда в мгновение ока, молоко я вылакала за пару секунд, а потом ещё попила воды.

– Действительно голодная, – сказала Хозяйка. – Ладно, дам ещё одну котлету.

– Мам, тебе что, котлет жалко? – возмутился Мальчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.